

ВЕНЧАНИЕ

- *Венчаться будем только в церкви, – громко и безапелляционно заявляла Маша Поспелова.*

Ее жених Миша Кротов смотрел на нее восхищенными глазами. Ему нравилась эта ее всегдашняя уверенность и бесшабашность. Все два месяца, которые они были знакомы, она предводительствовала. Она решала, что будут делать завтра и куда поедут на выходные, что из вещей надо покупать жениху, а что невесте.

Миша был программистом и неплохо зарабатывал. В свои 29 лет он уже имел собственную квартиру и автомобиль, а вот с девушкой ему все не везло. Он был застенчив, немногословен, и инициативы ему явно не хватало. А Маша была именно той девушкой, которая была ему нужна – пробивная и энергичная. Так думал он. Некий уход от жизни и ее быстротекущих вопросов был свойственен Мише с детства. Его воспитывала одинокая мать, рано оставшаяся без мужа. Она полностью подчинила себе Мишу, так как боялась, чтобы не вырос из него пропойца, каковым был его отец. Поставленный в условия постоянного спроса и ответственности Миша старался сделать все, повеленное матерью, а потом прятался в свою любимую «раковину»: компьютеры, программы, файлы, игры – это он осваивал моментально, Бог дал ему такой талант.

Мать Анастасия Петровна была сильно обеспокоена. Еще молодящаяся женщина лет шестидесяти, стройная, всегда чем-то озабоченная и очень серьезная, она переживала за выбор своего сына. Недавно мать принимала у себя Машину родительницу. Они собрались всей семьей, чтобы обсудить, как будет проходить свадьба. В квартиру вошла Неля – Машина мама. От нее сильно пахло духами с тонкой примесью запаха вина. Это была румяная или разрисованная краской особа, одетая в джинсы в обтяжку, что подчеркивало курпулентность фигуры, и тонкий джемпер с большим декольте. Она была раскована, часто смеялась, рассказывала анекдоты, курила и пила кофе. Вообще иногда казалось, что 25-летняя Маша – это не дочь ее, а скорее, сестра. Работа ее была ненадежной – она работала то ли уборщицей, то ли прислугой, а где брала деньги на жизнь – было непонятно.

– Анастасия Петровна, дорогая, – говорила она фамильярно, – можно я буду называть Вас Настя, ведь скоро мы с вами породнимся?

Вы не представляете себе, какая хорошая у меня дочь, заботливая такая, работающая и ласковая, всегда ко мне подойдет, обнимет, поцелует. Как не везло ей на парней! Один оказался бывшим уголовником, другой все время тянул из нее деньги, это ужас какой-то!

Но Ваш Миша – это какое-то чудо! Тихий, добрый, ласковый и, главное, сам хозяин своей жизни, – и она многозначительно улыбалась.

– Ну, что же ты, мама, рассказываешь, – пыталась перебить ее дочка, – не было у меня никаких парней-уголовников.

Анастасия Петровна чувствовала себя в этом обществе совершенно растерянной. Она не умела рассказывать анекдоты и беспричинно смеяться и, главное, не понимала, как можно так откровенно и сразу говорить о своей жизни.

Миша молчал и улыбался, ему было хорошо. Он сразу полюбил Машу потому, быть может, что не было у него никогда любимой девушки, а Маша обладала опытом в отношениях с мальчиками. Ему нравилась и моложавая Неля – под стать Маше приятная и раскованная и всегда хвалившая и расхваливавшая Мишу. Ему казалось, что в жизни так не хватает праздничности и радости.

Именно поэтому молодые люди часто уходят в игровую нереальность – чтобы обрести мнимую радость, которая сначала обманывает, а потом больно жалит игроков. Миша это уже хорошо знал и понимал, поскольку сам занимался созданием новых игр из «жутняков», «привидений» и «героев-убийц».

Разговор медленно продолжался. Обсуждали вопросы их венчания в церкви, праздничного застолья и свадебного путешествия. Миша лишь присоединялся к голосу Маши и Нели, а Анастасия Петровна должна была соглашаться. Наметили, что молодым надо пойти в церковь и встретиться со священником.

Что такое церковь и что такое венчание – Миша представлял смутно. Бабушка в раннем детстве крестила его, но потом в церковь его не водили. Бабушка рано умерла, а мама была настолько поглощена житейскими заботами, работой и воспитанием сына, что очень уставала и не находила сил зайти в церковь. Хотя по привычке утром и вечером она твердила слова маленькой молитвы, которой ее научила бабушка, и крестилась перед иконой. Она представляла Бога как очень далекого, удалившегося от человеческой суеты этакое «мудреца», когда-то сотворившего мир, а теперь «почившего от трудов своих». Но она верила в предназначение, что каждому уготовано свое, иными словами – в судьбу. Иногда читала астрологические прогнозы и даже доверяла им.

«Почему Неля и Маша так настаивают на венчании?», – думала Анастасия Петровна. – По их виду и поведению не скажешь, что они верующие, правда, обе носят крестики». А ларчик открывался просто.

В начале 1990-х церковь получила от государства свободу. Отпали коммунистические догмы с их тезисом «религия – опиум для народа», и советские люди хлынули в церковь. Человеку надо во что-то верить. Без веры нет в жизни фундамента. Другое дело – какой крепости будет этот фундамент. И вот люди бросились «верить»: сначала – в Чумака и Кашпиоровского, потом – в лжехриста «Виссариона», в иностранные секты Муна, мормонов, медитации, «Новое поколение». Советскому человеку всегда было интереснее чужое

– принесенное с Запада, а свое Православие столько угнеталось, преследовалось и вытравывалось, что казалось уже ничтожным и почти погибшим. Но когда церковь вышла на арену телевидения, газет и журналов, когда в церкви стали венчаться бывшие советские «звезды», сердца и чувства потянулись к церкви.

Ох, как трудно было советскому человеку войти в церковь! Он все воспринимал материалистическим образом, как некогда учила грозная партия. Платя в церкви за свечи, иконы или молебны, он воспринимал это как уплату членских взносов, а не как пожертвование. Заплатив за крестины, он считал, что уже купил право креститься и может не знать молитв и Евангелия. *«Я – Богу свечку, а Он мне делом поможет»*, – думали люди, и иногда это совпадало и действовало, и Бог, действительно, помогал.

Но что такое духовная (а не материальная) жизнь, что такое умная молитва, что значат слова Божии *«Сыне, дай Мне твое сердце»*, советский человек не мог себе представить.

Маша и Неля бывали на венчаниях своих знакомых. Сам обряд поражал своей красотой и торжественностью. Это было абсолютно не сравнимо со скромной регистрацией в ЗАГСе. Но они не знали того, что кроется в сердцевине, что будущие супруги должны духовно потрудиться и должны быть готовы предстать перед Богом и дать обеты верности друг другу и Богу. Казалось, что делать ничего не надо, а надо просто стать перед Богом, и Он за них все сделает, и будет брак счастливым и долгоденственным.

Как хищные рыбы-пирании, ринулись они на добычу. *«Миша – тихий увалень, и с ним можно делать, что хочешь. Он будет и содержать, и вкалывать, и устраивать счастливую жизнь»*. А Маша – а у нее было много желаний! – будет жить в свое удовольствие. О каких-то обетах верности и христианской жизни, о том, что надо сразу рожать и воспитывать детей, Маша и думать не хотела.

Анастасия Петровна чувствовала во всем этом какой-то подвох, что-то неискреннее слышалось в голосах будущей невестки и ее матери. Но она ничего не могла поделать – Миша молчаливо соглашался ради вкушения радости супружеской жизни, а у нее не было аргументов. Особенно обезоруживало и поражало то, что они же будут венчаться, и Бог не позволит быть чему-то плохому! Это был главный аргумент противника, который заставлял со всем остальным соглашаться.

В понедельник Миша и Маша наметили идти в церковь и записываться на венчание. Посреди площади высилось здание церкви. Ее стали восстанавливать в конце 1980-х, когда в стране началась перестройка, и в воздухе запахло переменами. До этого здесь был городской гараж, склад и еще что-то подобное. Через 20 лет это было полностью отреставрированное здание, и церковная жизнь стала налаживаться. Ежедневно совершались богослужения, и звонили колокола, а в пятничные и воскресные дни у двери стояли черные или белые роскошные и длинные «крайслеры» и «форды», ожидавшие повенчанных и счастливых супругов. Когда молодые сходили по ступенькам, трезвонили колокола, а им на головы сыпались лепестки роз и под ноги – зерна, что означало начинавшееся счастье и благополучие.

За прилавком свечного ящика возвышалась свечница, еще молодая полная женщина в теплом платочке. Служба уже отошла, и в понедельник в церкви было сумрачно и тихо. С иконостаса и стен смотрели далекие и печальные лики святых, кое-где еще теплились лампадки и горели свечи.

Миша, бывало, заходил в церковь. Делал он это, как правило, тогда, когда ему было трудно, и тягота жизни ложилась на душу. Однажды он ставил свечу Николаю угоднику, когда знакомая девушка, за которой он ухаживал два месяца, ушла к его другу. В другой раз – когда получил заказ на создание игры-страшилки. Он должен был изобразить нечистую силу, но стал по ночам бояться и видеть во сне тех, кого изображал. Он не был «фомой-неверующим», но вера его была такова, что он обращался к Богу лишь когда ему было плохо. А когда ему было хорошо – значит Бог был с ним, и нечего было Его беспокоить.

Маша же вообще не заходила в церковь. Она считала, что Бог у нее в душе, и даже как-то это чувствовала. Однажды она прочитала неосторожное высказывание одного святого человека – *«Люби Бога и ближних и делай все, что хочешь»* – и восприняла это как разрешение на все. А что значит *любить Бога и ближних*, то это она поняла по-своему. *«Любить как-то особенно Бога не надо – Он у нее в сердце, а любить ближних можно по-разному».*

– *Что нужно сделать, чтобы повенчаться?* – спросила Маша девушку в платочке. Занятая отпуском свечей, крестиков и записью молебнов и сорокоустов девушка молча подала им листочек с перечнем вопросов, которые должны разрешить будущие супруги, и добавила, что нужно внести плату – пожертвование в размере 5000 рублей, и обоим надо исповедаться и причаститься. На листочке было написано, что за месяц до венчания они должны принести в церковь для регистрации их брака квитанцию об уплаченной госпошлине, свидетельство о рождении и медицинскую справку о здоровье.

– *Миша, все очень просто: справки и деньги принесем на этой неделе, а что такое исповедь и причастие?*

Подумав немного, Миша ответил, что исповедь – это, наверное, наболевшее, то, о чем человек не может рассказать человеку, и о чем человеку надо поговорить с Богом, а причастие – это то, что детям дают в церкви, и он как-то видел, что во время венчания молодые что-то испивали из серебряной чашечки, которую подносил им священник.

Если человек чего-то очень хочет и, главное, хочет дойти до сути, то он рано или поздно до нее дойдет. Но если он удосуживается и удовлетворяется лишь своим мнимым знанием, то он на этом и остановится.

В церкви этой служило несколько священников. Возглавлял приход отец Митрофан – маститый, седовласый и требовательный пастырь. Он неукоснительно исполнял все указания правящего архиерея и на все испрашивал его благословения. Священники должны были правильно совершать богослужения, молебны, панихиды, крещения и венчания, обращая внимание на обряд, правильность совершаемых ими действий. Недопустимым считалось опоздание на службу или появление в храме с запахом алкоголя. Недопустимым

было неисполнение указания настоятеля или отца благочинного. *«Но церковь не в бревнах, а в ребрах»*, – так сказал один христианин, и главное – души верующих, а не внешний порядок. Заниматься душами, работать с людьми – намного более сложная задача, нежели совершать обряды, ибо душа человеческая в очах Божиих дороже всего мира. По этому вопросу мнения священников разделялись. Одни из них считали, что в России крестили без подготовки еще со времен св.Владимира, однажды повелевшего всему русскому языческому племени идти на Днепр и креститься, и не было важно, готов человек ко крещению или нет – все равно Бог будет крестить его. Другие же, молодые пастыри, настаивали на проведении занятий и обучении верующих, только-только приходящих в церковь, и подготовке их как ко крещению, так и к венчанию. Это налагало на священников дополнительные обязанности, но совесть их при этом была бы спокойна.

– *Надо дать человеку срок, – говорил один из них, отец Богдан, – пусть выучит нашу веру, познает и испробует молитву, хорошо покается в грехах своих. Если же не захочет учиться, то это – овца не наша, и толку с такой овцы не будет. Важно не количество крещений и венчаний, а их качество, а показатель нашего служения – малый процент приходящих после крещения в церковь и большой процент разводов венчавшихся.*

– *Попробуй не крестить и не венчать желающих, – отвечал ему о.Митрофан, – завтра они побегут креститься и венчаться к сектантам, и упадет объем пожертвований и доходов прихода, за которые я должен отвечать перед правящим архиереем. (Конечно, о последнем он умалчивал, понимая несостоятельность этого меркантильного человеческого аргумента).*

Так из года в год вопрос этот оставался в приходе неразрешенным и мучающим совестливых пастырей.

Выйдя из церкви, Миша и Маша некоторое время шли молча, как бы раздумывая о принятом решении. Маша думала чисто практически – как обойти неприятный вопрос исповеди у священника. *«Зачем ему все о себе рассказывать? Бог и так обо мне все знает, – думала она, – а причащаться не обязательно, а главное – верить»*. Миша же как человек, привыкший к исполнительности и на работе, и с мамой, думал, как ему это исполнить, и решил встретиться со священником.

Прошло две недели. Молодые отнесли нужные справки в церковь, и Миша внес пожертвование. Шла уже лихорадочная подготовка к свадьбе; для невесты шили белое платье, договорились с рестораном и составляли списки гостей. Но в церковь молодые не топились.

– *Не беспокойся, Миша, все будет хорошо, в церкви уже определен срок и внесено пожертвование и поданы все-все справки.*

– *Да, но нам же сказали прийти на исповедь и причаститься.*

– Сказали, сказали, но ведь не объяснили, как к этому готовиться, и что для этого надо делать. Успокойся, Миша, нет на нас никакой вины, а мы – два голубка, воркующих и вьющих свое гнездышко. Неужели ты думаешь, что Бог нас не повенчает?

Миша молчаливо соглашался. Он так любил Машу, и хотел мира и согласия меж ними, и не хотел противоречить. Он боялся как-то повредить будущему, боялся даже с кем-то поделиться и давно уже не советовался со своей матерью – житейски мудрой и опытной женщиной.

Сама же Анастасия Петровна, видимо, догадывалась, в какой переплет попал ее сын. И она, однажды влюбившись, бросилась в новую жизнь, как головой в омут. После же раскаивалась в этом, но несла крест, который сама себе и выбрала. Она видела, что Мишу не отговоришь, выбор сделан, и только не понимала – зачем им надо венчаться, если и в церковь-то они не ходят?

Однажды разговаривала она со своей давней подругой Варей Рябининой, вместе с которой училась в педагогическом институте. Позже Варя переквалифицировалась на психолога и вела частную психологическую практику.

– Понимаешь, Варя, – говорила Анастасия Петровна, – как будто зомбировали его. Он, как подопытный кролик, делает то, что ему велят. И, главное, чего я не могу понять – зачем надо ей венчаться.

Варя долго смотрела на собеседницу, отпила глоток кофе из чашки и сказала:

– Она хочет, чтобы вера его в нее закрепилась, чтобы он так ей веровал, что был бы готов на все. С ее стороны это – не венчание, так как она неверующая, а – психологический прием для полного закабаления твоего сына. Понимаешь?

Анастасия Петровна в ужасе откинулась на спинку кресла:

– Что же нам делать?

– Немедленно сходи в храм и поговори со священником. Может быть, он сможет повлиять, поговорить с Мишей, в конце концов – отказаться венчать не готовую к браку пару?

– А если ты не права, а я сделаю это – ты представляешь, каким врагом я стану для своего сына?

– Ты будешь врагом ему, если не сделаешь этого. Ты была бы счастлива сегодня, если бы тебя отговорили в свое время от брака с Павлом. Или ты забыла об этом?

На следующий день Анастасия Петровна отправилась в церковь. Была пятница, та самая пятница, когда у входа в церковь толпится народ и подъезжают роскошные праздничные свадебные автомобили. В этот день служил отец Богдан – тот самый совестливый священник, который переживал за неподготовленность людей, приходящих к Таинствам. После Божественной Литургии до первого венчания оставалось время, и по счастливой случайности отец Богдан и мама Миши могли поговорить.

Они присели на маленькую скамеечку. В храме было еще пусто и тихо, только несколько человек ходили по храму и ставили свечи.

Анастасия Петровна довольно откровенно описала ситуацию, и священник ужаснулся – так вот во что может превратиться священный и прекрасный обряд! Еще можно понять, когда люди идут венчаться из-за моды, вдохновленные примером «звезд» или своих друзей – их можно научить и подготовить. Но явно обманывать Бога и ближнего – это духовное преступление! Про себя он твердо решил, что пойдет на прием к правящему архиерею, чтобы добиться одинакового решения по всем православным храмам епархии. А решение должно быть таким: с венчающимися должно быть проведено несколько занятий на тему – *Таинства Церкви, состояние и последствия в жизни души, нарушившей венчальный обет и отлученной от Церкви, и что такое христианская семья – малая церковь. Каждый из вступающих должен тщательно исповедаться и дать Богу обещание жить по законам христианской семьи.*

Отец Богдан обещал поговорить с Мишей и Машей. Вызвать их в храм на собеседование и оставить в тайне разговор с Анастасией Петровной. Сразу же после разговора с ней священник позвонил Мише и просил их прийти в церковь для собеседования перед венчанием.

– *Что ему еще нужно, – говорила Маша, – все мы уже сделали: справки подали, деньги заплатили. Ведь не он будет нас венчать, а венчать будет Бог, правда, Миша?,* – пыталась она добиться согласия от жениха.

– *Да, но он сказал, что надо встретиться.*

– *Сказал, сказал... Не нравится мне все это. Иди один, а я не пойду, что-то плохо себя чувствую.*

– *А что с тобой, милая, – обнимая Машу, говорил Миша.*

– *Что-то голова болит, – отстраняясь от него, отвечала Маша. – Я знала, что так будет у нас, что ты будешь с самого начала все делать по-своему.*

– *Да что ты, Маша, я весь твой и я... я не собираюсь ничего делать без тебя, – и они обнялись. Так Миша оказался полностью подчиненным воле своей невесты.*

Напрасно отец Богдан ждал на встречу будущих супругов. Это была молчаливая забастовка, и телефон больше не отвечал... «А что я могу сделать?, – думал он. – С их стороны соблюдены все формальности, на исповеди и причастии они могли быть в другой церкви, а в городе несколько церквей. Если я откажусь их венчать, будет скандал, и во всем обвинят меня, а венчать поставят другого священника». Это была патовая ситуация...

Наконец, отец Богдан решил: «Буду венчать, но скажу им все, что они должны знать, нелицемерно и нелицеприятно, в присутствии всех и громко объясню им их ответственность и обязанности. А тогда – пусть делают, что хотят, но ответственность будет на них».

Наступил день свадьбы. Красавица-невеста, вся в белом, как лебедь выплывала и всех очаровывала. В обаянии любой невесты присутствуют и надежды наши на белизну ее души и на счастье ее семьи. Она – то лоно, из которого рождается человек и освящается брак. Жених скромно шествовал за ней – эдакий увалень, безвольный «пьер безухов», изумленный в душе своей да так в этом изумлении и оставшийся. Он возложил все свои надежды в браке на нее – любовь свою.

Колокола в церкви затрезвонили, на ступеньки храма вышла предыдущая пара, и наступил черед Миши и Маши.

Яркий свет горел в церкви, все паникадила и светильники были зажжены, как это бывает только во время господских праздников. Из алтаря весь в белых ризах вышел отец Богдан. Он нес крест и Евангелие. Жених и невеста ждали его у входных дверей. Молча священник благословил их и вручил зажженные свечи как символ их искренней и теплой молитвы к Богу. Затем он обратился лицом к алтарю, и началась служба – сначала обручения, а затем и венчания.

Маша была совершенно спокойна и ничего не боялась. На ее гладком красивом лице не было ни облачка смущения. Миша, наоборот, был сконфужен и робок. Он чувствовал свою вину перед священником, что не встретился с ним, и понимал, что не все так гладко, как должно было бы быть. В тайне сердца своего он надеялся на Машу и на Бога. Белое полотно, лежавшее под ногами жениха и невесты, должно было говорить о чистоте их намерений и чистоте их душ.

В храме стояла и истово крестилась Неля. Анастасия Петровна умоляла Бога помочь ее сыну и сделать все-все к добру, а не ко злу. Большая часть присутствующих – сослуживцы Миши и его друзья, Машины подруги – не умели ни перекреститься, ни молитву «Отче наш» прочитать, что довольно обычно, и на венчаниях большей частью так и бывает.

Когда очередь дошла до обетов, которые перед Богом дают друг другу супруги, отец Богдан сказал увещательное слово, в котором пытался утратить Машу. Он говорил о том, что если супруги нарушат верность или разойдутся, они будут отлучены от Церкви, а следовательно, и от Царствия Небесного.

«Ишь ты какой, – подумала Маша, – решил нас запугать». Глаза ее гневно засверкали, и спокойствие нарушилось. Миша же не боялся утратений – он собирался с Машей жить вечно.

Слушая проповедь священника, некоторые присутствующие улыбались, думая о наивности священника, ничего не смыслившего в современной жизни. А один из них довольно громко, так, что слышали многие, сказал: «Ух, как страшно!» Священник с негодованием посмотрел на него, но ничего не сказал.

После прочтения послания Апостола и чтения Евангелия, в которых рассказывается о браке и обязанностях супругов, отец Богдан сказал еще одно слово, в котором убеждал жену «бояться» мужа своего и помнить о том, что он – глава семьи.

«Вот разошелся поп окаянный, – гневалась Маша, – хорошо, что на собеседование я не пошла. Ноги моей больше в этой церкви не будет!»

Миша же гордо воспрянул и поднял голову – хорошо все же быть главой! – но, посмотрев на невесту, подумал: *«С Машей это будет невозможно».*

Наконец, после провозглашения повенчанным супругам «Многая Лета» отец Богдан еще раз принялся объяснять супругам их обязанности и сказал, что, не откладывая, им надо родить ребенка, иначе в семье не будет полноты.

Возмущение Маши уже перелилось через край: *«Какое право он имеет нам диктовать свои условия?!»*, она даже хотела что-то сказать, но не смогла из-за переполнившего ее гнева. Это было то, чего она больше всего не хотела – не хотела детей, а вот пожить бы в свое удовольствие...

«Ну, ничего, главное сделано – мы повенчались, – думала Маша, – и теперь он мой». Голова у нее кружилась, сердце часто билось, она хотела бежать из церкви куда-нибудь на воздух...

Их ожидал ресторан, свадебный пир за городом. Для того, чтобы устроить роскошную свадьбу и свадебное путешествие, Миша взял кредит в 500 тысяч рублей, но об этом он никому не говорил – так ему было приказано.

И понеслось, и поехало в жизни Миши... И быстро пронесся медовый месяц., омраченный бесконечными Машиными укорами в бедности и недостатке средств. У нее то и дело стали появляться какие-то поклонники... А Миша должен был работать вдвое. Он брал на себя непосильные задания и часто работал по ночам, чтобы успевать развлекать жену днем...

Через месяц Маша настояла на том, чтобы заложить в банке старую квартиру и купить роскошную очень дорогую новую; купить и новую машину – теперь все это было уже их совместным имуществом. Работать она не хотела, рожать – тоже, и часто проводила время в обществе новых и старых друзей, оставляя Мишу наедине со своими «роботами», «убийцами» и «привидениями».

Миша стал замечать, что жене, поглощенной своими знакомыми, он больше не нужен, а нужны ей только его деньги. Он вспомнил проповедь о.Богдана об обязанностях супруги и решил тайком сходить к нему на исповедь. Священник ласково встретил его, исповедал, назначил епитимью и посоветовал поставить в семье вопрос ребром:

– Ты же – глава семьи, муж. Уважай свое звание и достоинство, – говорил о.Богдан. – Скажи ей, что ты хочешь ребенка и, чтобы ей не развлекаться, заставь ее идти работать. А, главное, каждый день усердно молись о своей жене.

Но «находила коса на камень», да и мог ли быть смирный Михаил «косой». После первого же разговора Маша выкрикнула:

– Ты больше не любишь меня!

И убежала из дому. В эту ночь она не пришла домой и, придя утром, заявила мужу, что изменила ему и уходит к своему давнему приятелю. Она рассчитывала, что Миша будет просить ее остаться, что будет просить прощения...

Но Миша глубоко воспринял наставление о.Богдана об уважении к себе как ко главе семьи, что как человек он может и должен просить прощения, но как глава семьи он должен в семье поставить все на свои места. И он потребовал от Маши, чтобы она у него просила прощения и покаялась на исповеди в измене, иначе он не примет ее как жену.

Этого Маша не ожидала! Она не могла покаяться – исповедь и покаяние для нее были пустыми звуками, словами, не имеющими смысла... *«Надо жить с радостью, – думала она, – в этом заключается любовь. А если радости не будет, то жизнь теряет смысл. Миша разрушил ее радость, разрушил ее жизнь».*

Через неделю Маша подала на развод. *«Хорошо, что я вовремя позаботилась, и квартира и машина – у нас совместное имущество. После продажи это будет кругленькая сумма»*, – рассуждала Маша.

Миша, кажется, полностью протрезвел. Он увидел свою близорукость, понял, что жене не был нужен не он, а его достаток и ее привольная жизнь.

А Маша?! Ее жизнь только начиналась. Красивая женщина, ищущая радости и любви, всегда ее получит, но эта радость – кратковременна, она заканчивается так же быстро, как жизнь бабочки-однодневки. А потом... Потом приходит тоска, печаль, сожаление о напрасно прожитой жизни и, редко у кого – раскаяние...

* * *